

23. Никольская Р. Ф. Карельская кухня. Петрозаводск, 1986.
24. Похлёбкин В. В. Национальные кухни наших народов. М., 2004.
25. Воронина Т. А. Рацион питания русских крестьян во время поста (XIX в.) // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. Т. 12, №6. С. 287–291.
26. Липинская В. А. Пища (XI–XX века) // Русские. М., 1997. С. 354–397.
27. Основа питания крестьян Карелии в конце XIX – начале XX века. URL: http://www.vottovaara.ru/karelia/kichen/food_karel_peasants.html
28. Семенцов А. Л. 2000 заговоров и рецептов народной медицины. М., 1997.

Об авторе

Лилия Геннадьевна Степанова – канд. ист. наук, доц., Академия маркетинга и социально-информационных технологий, Краснодар.
E-mail: liliya_stepanova@list.ru

13

About author

Dr Liliya Stepanova, Associate Professor, Academy of Marketing and Social and Information Technologies, Krasnodar.
E-mail: liliya_stepanova@list.ru

УДК 947.071

М. М. Галанов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РИЖСКОЙ ЦЕНЗУРЫ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЦЕНЗУРНОЙ ПОЛИТИКИ САМОДЕРЖАВИЯ В ЦАРСТВОВАНИЕ ПАВЛА I

Впервые в российской историографии рассматриваются вопросы функционирования Рижской цензурной комиссии в годы царствования Павла I. Сделан вывод о преследовании произведений культуры, обладающих революционным духом.

For the first time in the Russian historiography, the issues of functioning of Riga censorship commission during Paul I's reign are considered. The author arrives at a conclusion about the prosecution of cultural works filled with revolutionary spirit.

Ключевые слова: таможня, цензура, цензурная комиссия, духовная цензура, генерал-прокурор, Святейший синод.

Key words: customs, censorship, censorship commission, spiritual censorship, prosecutor general, Holy Synod.

В центре внимания данной статьи находится возникновение и функционирование такого института, как цензура в годы царствования Павла I на материале деятельности Рижской цензуры. Главной причиной введения цензуры была борьба, которую вело самодержавие с революционными веяниями в конце XVIII в.

Данный Сенату Именной указ, согласно которому в ведении первого создавались цензурные учреждения из одного духовного и двух светских лиц в Санкт-Петербурге, Москве, Риге, Одессе и при Радзивилловской таможене в Подольской губернии, был издан 16 сентября 1796 г. Пункт 3 указа гласил: «Никакие книги, сочиняемые или переводимые в государстве нашем, не могут быть издаваемы в какой бы то ни было типографии без осмотра от одной из цензур...» [1, т. 23, с. 933]. На учреждаемые цензуры возлагалась также задача «наблюдать те же самые правила и в рассуждении привозимых книг из чужих краев так, что никакая книга не могла быть вывезена без подобного досмотра...» [там же].

14

В дополнения Именному 22 октября Сенат выпустил свой указ, предлагая цензуры «составить в каждом месте из трех особ, из одной духовной, из одной гражданской и одной ученой; духовных особ избрать Синоду, гражданских Сенату, а ученых Академии наук и Московскому Университету...» [там же, с. 960—961]. Новый император Павел I 16 февраля 1797 г. утвердил доклад Сената о производимых назначениях ученых и гражданских цензоров. В Риге ученым цензором с окладом в 1800 рублей годовых стал надворный советник Петр Иноходцев, а гражданским с тем же окладом — надворный советник Федор Туманский. Пятый пункт этого документа, оказавшийся весьма принципиальным в истории Рижской цензуры, гласил: «Поелику для производства цензуры необходимо потребны будут особые дома, о назначении коих предоставить распоряжению генерал-прокурора князя Куракина» [1, т. 24, с. 336—339].

В 1797 г. 29 марта был высочайше утвержден доклад Сената, по которому определялись духовные цензуры, и в Ригу был направлен местный протопоп и духовного правления первый присутствующий Спиридон Тихомиров с окладом в 500 рублей [там же, с. 517]. Генерал-прокурор князь А. Б. Куракин 4 июля объявил Именной указ Павла I о том, что книги, признанные цензурами недозволенными или сомнительными, нужно представлять на рассмотрение Совета Его Императорского Величества [там же, с. 647].

Рижская цензура 22 января 1798 г. направила А. Б. Куракину два рапорта. В первом цензуры сообщали, что книгопродавец Гарткнох хочет отправить за границу книги, подаренные ему генерал-прокурором, но запрещенные. Куракин наложил на запрос положительную резолюцию [2, №2, л. 2—2 об.]. Во втором рапорте они сообщали, что из Эстляндии поступила к ним книга на экономические темы. Генерал-прокурор велел «изучить» и самостоятельно принять решение [2, №3, л. 10—10 об.].

Князю А. Б. Куракину 23 января было направлено письмо из Рижской цензурной комиссии, в котором духовный цензор протоиерей С. Тихомиров, гражданский — Ф. Туманский и ученый — П. Иноходцев сообщают генерал-прокурору о том, что «Рижская цензура имеет честь почтеннейше представить вашему сиятельству экземпляры... запрещенных книг по росписи у сего прилагаемой числом всех тридцать книг» [2, №2, л. 1—2].

Сотрудники Рижской цензуры 26 января поставили Куракина в известность, что они очень долго принимают решение по двум «музеен-

алманахам», присланным в ноябре 1797 г. Один из них — «Гамбургский» на 1796 г. (издание Фосса), а другой — «Тюбингенский» на 1798 г. (издание Шиллера). Затяжка в принятии решения по этим «сомнительным» изданиям заключается в том, что очень долго осуществляется перевод [2, №3, л. 5—5 об.].

Рижская цензура 1 февраля 1798 г. направила генерал-прокурору рапорт, в котором сообщалось, что рижский губернский почтмейстер прислал им для оценки семнадцатый номер «Хамбургер корреспондент» (Hamburger Correspondent), который нашел подозрительным и выдать подписчикам не решился. Цензоры также сомневаются, так как в журнале приводится текст воззвания поселян к жителям г. Базеля, в котором:

- а) используется запрещенное слово «бюргер»;
- б) требуются права вольности;
- в) говорится о том, что «Библия и здравый разум дают право народам составлять законы и избирать правителей, а Государям предлежат токмо должности».

В заключении послания цензоры характеризуют данные высказывания как вредные и просят остановить распространение указанного номера, на что Куракин дает согласие [там же, л. 1—1 об.].

Генерал-прокурор 24 апреля объявил Именной указ, который удовлетворял ходатайство Дерптского магистрата и дворянства об оставлении имеющейся в их городе типографии с тем условием, что она не напечатает ни одного сочинения без одобрения Рижской цензуры [1, т. 25, с. 219].

Председатель Ревельского губернского магистрата Угнаде 30 июня 1798 г. написал Куракину, что среди ввезенных из-за границы со шкипером Гейтманом и присланных ему книг (осмотренных тамошней цензурой) получил он два экземпляра журнала, изданного в Веймаре в октябре 1797 г., где напечатана статья под названием «Круглая шляпа», содержащая «весьма дерзкие и непристойные замечания». Генерал-прокурор потребовал объявить выговор членам Рижской цензуры и выяснить, сколько экземпляров журнала было ввезено [2, №4, л. 1].

Рижская цензура 24 августа дала объяснение по данному поводу. Члены комиссии сообщили, что не могли пропустить этот журнал, так как у них его не было и в реестрах он не зарегистрирован. Далее цензоры пожаловались, что существует очень много каналов попадания книг в Россию помимо цензуры, потому что люди не соблюдают законодательство, не несут книги, ввозимые из-за границы, на проверку, а на самой границе стопки книг внимательно не проверяются [там же, л. 3—4].

Днем ранее, 23 августа 1798 г., секретарь Рижской цензуры барон И. Беллинсгаузен направил А.Б. Куракину рапорт следующего содержания: «По приказанию Рижской цензуры свидетельствованы мною все журналы, и в оных содержащиеся определения, и в следствие того донести имею, что о чтении "Journal der Luxus und der Moden. 1797. October"¹ и об одобрении и внесении оногo в список дозволенных книг, определения в Рижской цензуре не состоялось, почему и оный журнал к одобренным не причислен» [там же, л. 6].

¹ «Журнал роскоши и моды. 1797. Октябрь» (нем.).

На основе представленных документов Куракин 15 сентября сделал Сенату следующее предложение: «Усматривая из представлений Рижской цензуры, что по замечаниям ея, в Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерниях при ввозе из за границы книг нет надлежащей от начальства строгости, и находя, что сие происходит от слабого смотра господ... почтмейстеров и заставных начальников, честь имею предложить Правительствующему Сенату о предписании кому следует, дабы впредь наблюдаема была вся точность и сила закона по сему предмету» [2, №4, л. 7]. Сенат 4 октября принял постановление в духе предложений генерал-прокурора [там же, л. 8–9 об.].

На имя генерал-прокурора князя П. В. Лопухина 28 июня 1799 г. духовный цензор протоиерей С. Тихомиров, гражданский – статский советник Ф. Туманский и ученый – коллежский советник П. Иноходцев подали рапорт, в котором жаловались, что лифляндское губернское начальство не считает статус Рижской цензуры равным Санкт-Петербургской и Московской, и поэтому «делает разные прикосновения, деятельность цензуры сверх меры отягощающие, и как сие рождает повод к перепискам с обеих сторон неприятным без всякой нужды». Письмо заканчивалось просьбой издания Высочайшего указа, подтверждающего статус Рижской цензуры [3, №462, л. 1].

Рапорт был получен 3 июля канцелярией генерал-прокурора, и 6 июля Лопухин наложил на него резолюцию в том смысле, что цензура «учреждалась под наблюдением местного начальства», поэтому менять ничего не нужно, а жалобщикам необходимо уменьшить объем переписки на эту тему [там же, л. 3].

После такого ответа за дело взялась жена одного из цензоров – Феодосия Туманская. Она отправила генерал-прокурору недатированное письмо, суть которого сводилась к жалобам о невыделении Рижской цензуре отдельного дома на основании императорского указа от 16 февраля 1797 г. Женщина пишет, что лифляндское губернское начальство оставляет без внимания прошения самих цензоров, и в связи с невозможностью нормально работать ее муж дважды пытался уйти в отставку. Обращаясь к Лопухину, Туманская напоминает: «Вы, Милостивый государь, были когда-то градоначальником города Риги, знаете нравы и обычаи тамошних граждан, и неизвестно и то, с каким негодованием поступали с российскими» [3, №523, л. 1–1 об.].

Получив письмо, канцелярия генерал-прокурора 15 августа 1799 г. составила справку по делу, в которой говорилось, что указ императора губернатор Кампенгаузен получил 29 февраля; вскоре новый губернатор барон Менгден сообщил о выделении Рижской цензуре трех покоев в одном из домов Риги. После этого Ф. Туманский подал жалобу в Сенат, и решение вопроса передали Рижскому военному губернатору барону Бенкендорфу. Так как решение затягивалось, Ф. Туманская подключилась к переписке.

По представленной справке Сенат поручил новому лифляндскому губернатору Рихтеру удовлетворить просьбы жалобщиков. В ответ последний выделил цензуре еще три помещения и написал, что отдельного свободного дома в Риге нет [там же, л. 2–3].

Купец Людвиг Тимофеев 2 сентября предложил генерал-прокурору для нужд Рижской цензуры свой дом в Риге, на что Лопухин дал согласие [3, № 523, л. 6]. Однако 10 сентября 1799 г. Правительствующий Сенат решил дело совершенно иначе. В посланной Рижской цензуре мемории говорилось, что шести помещений, выделенных им, вполне достаточно, и, соответственно, не нужно отвлекать начальство несерьезными просьбами, а императорский указ от 16 февраля 1797 г. не предусматривал предоставления цензорам домов для жительства с семьями [там же, л. 7].

Сенаторы посчитали также, что предоставленных помещений будет достаточно, «ежели только цензоры не будут задерживать вступаемых к ним на рассмотрение книг и накапливать кипы с книгами, стесняя занимаемые цензурою покои, а прилагать будут старание возложенную на них должность отправлять с большим, нежели ныне, рачением» [там же, л. 7 об.].

Сенат совершил подмену понятий в вопросе о предоставлении помещений цензурам. В императорском указе от 16 февраля 1797 г. сказано: «Поелику для производства цензуры необходимо потребны будут особые дома, о назначении коих предоставить распоряжению генерал-прокурора» [1, т. 24, с. 339]. Как видим, в документе ничего не сказано про жизнь в этих домах с семьями, но очень четко прописано о предоставлении цензурам «особых домов».

В заключение члены Рижской цензуры были обвинены в нежелании подчиняться непосредственному начальству (губернатору) и нарушении Генерального регламента, так как не ответили на предложения своего губернатора, а стали жаловаться на него высшим инстанциям. Сенат постановил строго предупредить членов Рижской цензуры и объявить им выговор [3, № 523, л. 8–8 об.]. Таким образом, Сенат и генерал-прокурор в этом конфликте очевидно и незаконно встали на сторону губернского начальства, преступив через требования императорского указа.

Павел I 18 апреля 1800 г. подписал Именной указ, данный Сенату, который гласил: «Так как чрез ввозимые из заграницы разные книги наносится разврат веры, гражданского закона и благонравия, то отныне впредь до указа повелеваем запретить впуск из заграницы всякого рода книг, на каком бы языке оные ни были, без изъятия, в государство наше» [4, с. 59].

Цензор Ф.О. Туманский 31 августа того же года направил императору письмо, в котором, напомнив, что на службе с 1774 г., а в Рижской цензуре четвертый год, обосновал свое прошение об отставке: «По стечении моральных и физических обстоятельств привожусь в несостояние употреблять все усердие и рвение, и потому считаю благопристойнейшим предоставить место другому, всеподданнейше прося прошением. И дабы высочайшим Вашего императорского величества указом повелено было сие мое прошение в Рижской цензуре принять и о увольнении меня от службы вовсе с паспортом куда следует предоставить» [3, № 1330, л. 2].

Духовный цензор С. Тихомиров 1 сентября подал генерал-прокурору П.Х. Оболянинову прошение рассмотреть вопрос об отставке

Туманского по его просьбе. По получении прошения 18 сентября Обольянинов наложил резолюцию: составить справку и доложить государю [З, №1330, л. 1]. Генерал-прокурор 5 октября написал служебную записку императору об увольнении Туманского и одновременно письмо последнему, в котором он просил прояснить «моральные причины» его решения [там же, л. 3–4].

С опорой на заявление об отставке, служебную записку, справки о прежней службе и заключение 3-го департамента канцелярия генерал-прокурора составила справку для доклада императору, в которой Ф.О. Туманскому была дана отрицательная характеристика и указано:

1) работая в Заемном банке, он присвоил 4000 рублей, был приговорен к лишению дворянства, но помилован по ходатайствам, так как вернул деньги;

2) не подчиняется своему непосредственному начальству, нарушая правила, а «его неудовольствия основаны на некотором роде местничества между ним и начальством, ему данным»;

3) позволяет себе заявления политического характера [там же, л. 18–19 об.].

Павел I 14 декабря 1800 г. издал Именной указ Сенату, предписывающий «Туманского от службы отставить; на его месте быть коллежскому асессору Роту, коего жалует в надворные советники» [5, с. 682]. Рижская цензура 29 декабря рапортовала Обольянинову о том, что Рот 24 декабря принял присягу и приступил к должности [З, №1330, л. 30].

Таким образом, выступление Ф.О. Туманского против местной власти не было поддержано ни императором, ни генерал-прокурором. Более того, 3-й департамент Сената встал на ее защиту. Тонкие попытки Туманского столкнуть чиновников Сената и местную администрацию с императором провалились. Цензор кроме этого показал свою склонность к русскому национализму, обвинив губернатора Рихтера в покровительстве немцам и отказывая евреям в праве быть цензорами. Жена Туманского не смогла помочь делам мужа. Наконец, ему было свойственно очевидное преувеличение общественной и государственной роли института цензуры, почти мессианские взгляды на ее значение. Такой своеобразный человек, со своими взглядами, твердой позицией и творческим подходом к делу, не вписывался в каноны бюрократической машины времен царствования Павла I.

В целом Рижская цензура работала очень активно — через нее проходило наибольшее количество зарубежных книг — и проявляла чрезвычайную жесткость при подходе к анализу и определению судьбы ввозимых из-за границы печатных изданий. Буквально единицы из них были разрешены Императорским советом к распространению в России. Тем не менее, как нам представляется, изучаемый материал дает возможность сделать вывод о недостаточном осознании представителями и органами государственной власти важности такого государственного института, как цензура. Цензор и историк по совместительству Федор Осипович Туманский понял это раньше других.

Список источников и литературы

1. Полное собрание законов Российской империи. Серия 1. СПб., 1830. Т. 23–25.
2. Российская Национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 859. Фонд Н.К. Шильдера. Кол. 33. №2–4.
3. Российский государственный исторический архив. Ф. 1374. Канцелярия генерал-прокурора Сената. Оп. 6. №462, 523, 1330.
4. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 гг. СПб., 1862.
5. Сенатский архив. Именные указы Императора Павла I. СПб., 1888.

Об авторе

Михаил Маркович Галанов — канд. ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет.
E-mail: galanovmm@rambler.ru

About author

Dr Mikhail Galanov, Associate Professor, St.-Petersburg State University of Engineering and Economics.
E-mail: galanovmm@rambler.ru

УДК 94:633.1"1797/1863"(470.24/25–22)

П. П. Котов

РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В УДЕЛЬНОЙ ДЕРЕВНЕ НОВГОРОДСКОЙ И ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

На основе архивных документов анализируется развитие земледелия удельных крестьян Новгородской и Псковской губерний. Предлагается авторская методика обработки цифровых данных для объективной оценки результативности земледелия.

On the basis of archive sources, this article analyses the development of agriculture by peasants belonging to the tsar's family in the Novgorod and Pskov provinces. The article offers author's methodology of numerical data processing for an accurate assessment of agricultural effectiveness.

Ключевые слова: удельные крестьяне, результативность земледелия, посевы и урожай хлебов, обеспеченность хлебами.

Key words: peasants belonging to the tsar's family, agricultural effectiveness, cereals crops and harvests, bread availability.

В течение многих столетий развитие России в целом и отдельных ее регионов обуславливалось земледельческим производством. Как правило, в ходе его изучения исследователи описывали обеспеченность